Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ, въ извѣстной книгѣ своей: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», разсказывая о случаяхъ, которые производили въ немъ особенное впечатлѣніе, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцомъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, съ средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, не могъ подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ».

Эти слова воскресили въ моей памяти всѣ обстоятельства ужаснаго пожара и навели меня, какъ очевидца, на мысль передать о немъ подробности.

Въ самый разгаръ шумнаго народнаго веселья, на масляницѣ, 2 Февраля 1836 года, сгорѣлъ на Адмиралтейской площади огромный балаганъ Лемана, и сотни людей погибли въ немъ.

Я былъ застигнутъ въ балаганѣ. Долго боролся я съ смертію, но непостижимое Провидѣніе не допустило меня сдѣлаться жертвою пламени, между тѣмъ какъ я уже лежалъ подъ грудою людей, задохшихся отъ дыму. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ; но и теперь, когда тому прошло такъ много времени, подробности роковаго дня еще живо начертаны въ моей памяти.

Я учился тогда въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Многіе воспитанники, имѣвшіе родныхъ и знакомыхъ въ Петербургѣ, были уволены въ отпускъ съ вечера въ Субботу на всю недѣлю масляницы. Я также совершенно неожиданно въ этотъ вечеръ ушелъ изъ Корпуса. Помню, кто-то изъ товарищей, прибѣжавъ въ залу, объявилъ, что ко мнѣ пришелъ какой-то господинъ и желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ пошелъ въ пріемную комнату и тамъ, къ удивленію и удовольствію своему, увидѣлъ князя Путятина, помѣщика Ржевскаго уѣзда, близкаго сосѣда по имѣнію моего отца. Князь Путятинъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ вмѣстѣ съ Я. А. Ельчаниновымъ, помѣщикомъ Осташковскаго уѣзда и нарочно поспѣшилъ въ Корпусъ, чтобы взять меня къ себѣ на время масляницы.

Такое неожиданное посѣщеніе, а еще болѣе представившійся неожиданный случай уйти изъ Корпуса привели меня въ восторгъ. Сейчасъ же побѣжалъ я къ ротному командиру проситься въ отпускъ и, получивъ разрѣшеніе, поспѣшилъ переодѣться въ отпускную форму и явиться въ залу. Ротный командиръ, осмотрѣвъ меня вмѣстѣ съ другими и, по обыкновенію, сдѣлавъ нѣсколько наставленій при выдачѣ отпускнаго билета, спросилъ: «Кто за тобою пришелъ?» Сообразивъ сейчасъ, что близкое родство усилитъ въ ротномъ командирѣ основаніе къ моему увольненію, я отвѣчалъ: «Родной дядя, князь Путятинъ»; въ это самое время князь Путятинъ, стоя сзади меня, отвѣсилъ ротному командиру пренизкій поклонъ, и насъ отпустили.

Живыми своими разсказами о деревнѣ, о моихъ родителяхъ, земляки мои воскресили во мнѣ самыя лучшія дѣтскія воспоминанія. Я былъ совершенно счастливъ. Помню, мы просидѣли этотъ вечеръ очень долго.

На другой день, Я. А. Ельчаниновъ, собираясь куда-то уѣхать на цѣлый день и желая доставить мнѣ какое-нибудь развлеченіе, просилъ князя Путятина сводить меня подъ качели, въ одинъ изъ балагановъ. Князь Путятинъ принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ, а я съ благодарностію.

Вскорѣ послѣ обѣда, князь велѣлъ мнѣ одѣться и ѣхать съ нимъ. Не заставляя себя долго ждать, я тотчасъ надѣлъ тесакъ, киверъ, шинель и былъ готовъ. Князь надѣлъ на себя пальто на ватѣ, въ видѣ длиннаго сюртука, съ какимъ-то мѣховымъ воротникомъ и теплый картузъ, и такимъ образомъ мы отправились съ нимъ. Это было въ Воскресенье. Выйдя изъ воротъ дома (по Фонтанкѣ, гдѣ нынѣ зданіе Министерства Путей Сообщенія), мы повернули направо и шли пѣшкомъ до самой Вознесенской улицы, гдѣ на углу взяли извощика, который по Вознесенской довезъ насъ до самой Адмиралтейской площади. Мы заботились только о томъ, какъ бы въ этой почти сплошной массѣ народа не потерять другъ друга.

Когда обошли мы всю площадь и достаточно насмотрѣлись на кривлянья балаганныхъ паясовъ, выходившихъ съ музыкою для потѣхи публики на балконы, князь Путятинъ спросилъ меня: «въ который изъ балагановъ желаешь войти посмотрѣть?» Вопросъ его поставилъ меня въ затрудненіе, и я рѣшился предоставить выборъ на его усмотрѣніе. Какъ разъ въ это время мы приближались къ балагану Лемана, внутри котораго гремѣла музыка и раздавались частые и оглушительные выстрѣлы. Мы остановились, чтобы посмотрѣть, что творится тутъ. Почти сплошная масса народа уже толпилась около входныхъ дверей балагана. Не безъ труда протискались мы впередъ и очутились около кассы, гдѣ продавались билеты. Князь спросилъ: «Можно войти теперь въ балаганъ?» Продающій билеты отвѣчалъ: «Сейчасъ кончается представленіе, и когда выдетъ оттуда публика, тогда будутъ впускать въ балаганъ новую, и начнется новое представленіе. Ежели угодно, вы можете взять теперь билеты». Князь взялъ два билета во вторыхъ мѣстахъ и, показывая ихъ мнѣ, сказалъ:

«посмотримъ прежде, что̀ у Лемана дѣлается, а потомъ если успѣемъ, побываемъ и въ другомъ балаганѣ».

Балаганъ Лемана въ то время былъ одинъ изъ самыхъ большихъ на Адмиралтейской площади и славился забавными представленіями, самыми затѣйливыми и комическими превращеніями. Построенъ онъ былъ такимъ образомъ: главный фасадъ балагана былъ обращенъ на Адмиралтейскую площадь, сцена находилась въ концѣ зданія къ сторонѣ дворца, затѣмъ шли мѣста, устроенныя амфитеатромъ, такъ что третьи мѣста приходились почти подъ самою крышею. Кассы и входныя двери въ балаганъ находились со стороны Адмиралтейства; а выходы, въ противоположной сторонѣ къ Гороховой улицѣ и къ зданію бывшихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Для входа и выхода, какъ во вторыя, такъ и въ третьи мѣста, были устроены лѣстницы. Лѣстницы эти, въ особенности для мѣстъ третьяго класса, были очень высоки и круты. Всѣ двери, какъ входныя, такъ и выходныя, отворялись во внутрь балагана, который былъ огромнаго размѣра и построенъ изъ тонкаго сухаго дерева; наружныя стѣны были обшиты тесомъ и окрашены клеевою краскою.

Намъ пришлось недолго ожидать впуска въ балаганъ. Лишь только отворились входныя двери, публика, заранѣе запасшаяся билетами, всею массою бросилась въ него занимать мѣста. А такъ какъ я и князь стояли впереди, то намъ легко было проникнуть однимъ изъ первыхъ и размѣститься на болѣе удобныхъ впереди и противъ самой сцены мѣстахъ. Вторыя мѣста не отличались особеннымъ удобствомъ; они, также какъ и третьи, устроены были изъ сплошныхъ деревянныхъ ничѣмъ непокрытыхъ скамеекъ съ тѣмъ небольшимъ различіемъ, что скамейки втораго класса имѣли спинки. Мы усѣлись рядомъ, такъ что я сидѣлъ съ правой руки отъ князя къ сторонѣ выхода. Публика быстро наполнила балаганъ, и я помню, какъ князь при его живомъ, веселомъ характерѣ, наблюдая за входящими, острилъ и дѣлалъ о нихъ пресмѣшныя замѣчанія. Балаганъ совершенно переполнился зрителями. Наконецъ музыка заиграла. Въ это самое время князь Путятинъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «А что, братъ Дмитрій, думаетъ ли въ это самое время нашъ старикъ Андрей Ильичъ (мой отецъ), что я и сынъ его сидимъ въ балаганѣ?» Лишь только произнесъ онъ эти слова, какъ на сцену съ правой стороны изъ подъ занавѣса выскочилъ какой-то человѣкъ и громко закричалъ: «Господа, пожаръ, горимъ!» и сейчасъ же исчезъ. Въ балаганѣ сдѣлалась суматоха: многіе вскочили съ мѣстъ, а большая часть зрителей, думая, что Леманъ потѣшается надъ публикой, начали громко смѣяться и кричать: браво! Но въ этотъ самый мигъ, откуда-то повторился новый, неистовый крикъ: «Пожаръ, горимъ, спасайтесь!» Тогда всѣ бросились съ своихъ мѣстъ, и вотъ тутъ-то сдѣлался страшный переполохъ. Никто никого не щадилъ; другъ друга сбивали съ ногъ, одинъ другаго давилъ, толкалъ, пробиваясь къ дверямъ и думая найти тамъ для себя спасеніе. А между тѣмъ со сцены показалось уже пламя, и весь балаганъ въ нѣсколько мгновеній наполнился дымомъ.

При первомъ крикѣ со сцены, ни я, ни князь не трогались съ мѣстъ, полагая точно также, какъ и другіе, что заявленіе это есть шуточное; но послѣ втораго отчаяннаго крика, я бросился въ правую сторону къ выходнымъ дверямъ. Движеніе мое было до того быстро, что я не замѣтилъ, послѣдовалъ ли князь Путятинъ туда, или бросился въ противоположную сторону. Но почему-то показалось, что онъ находится возлѣ меня.

Трудно представить себѣ что нибудь ужаснѣе того страшнаго хаоса, который происходилъ въ балаганѣ; каждый искалъ возможности спастись, и каждый всею своею силою напиралъ на двери, забывая, что тѣмъ самымъ еще болѣе заграждалъ путь къ спасенію: на погибель несчастныхъ, всѣ двери отворялись во внутрь.

Меня придавили и стиснули такъ, что не только пошевельнуться, но и закричать было нельзя, чтобы облегчить боль въ груди. Въ это время я уже не стоялъ на ногахъ, а весь мой корпусъ какъ будто прилипъ къ какой-то живой массѣ, по волѣ которой я безсознательно двигался то въ одну, то въ другую сторону, то подымался, то опускался, не имѣя возможности сдѣлать какое либо движеніе. Густой дымъ разъѣдалъ мнѣ глаза, и кромѣ нестерпимой горечи во рту я чувствовалъ какъ сжималось горло. Силы меня совсѣмъ оставляли, и я начиналъ приходить въ совершенное изнеможеніе.

Сколько времени несчастная толпа боролась около запертыхъ дверей, опредѣлить не могу; но въ тотъ самый моментъ когда я созналъ неизбѣжную погибель, и когда понялъ, что спасенія ни откуда ожидать нельзя, съ шумомъ и съ трескомъ что-то обрушилось, и я вмѣстѣ съ толпою полетѣлъ внизъ. Тутъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ, и страшная тяжесть давитъ меня сверху. Сдѣлалось мнѣ въ этомъ положеніи еще хуже прежняго. Нестерпимая боль во всѣхъ членахъ мучила меня страшно; я употреблялъ всѣ усилія, чтобы повернуться и тѣмъ измѣнить свое невыносимое положеніе, но пошевельнуться не могъ. Пробовалъ молиться и также не могъ: отъ сильной боли въ груди я только стоналъ. Вскорѣ почувствовалъ я круженіе въ головѣ, тошноту, а въ слѣдъ за этимъ потерялъ всякое сознаніе.

Вдругъ окружила меня свѣжесть воздуха; я сталъ приходить въ себя и увидѣлъ, что лежу на тротуарѣ окруженный какими-то незнакомыми людьми, ухаживающими за мною, и между ними офицера, болѣе другихъ заботливо хлопотавшаго около меня.

Вотъ какъ впослѣдствіи объяснили мнѣ мое спасеніе. Когда внутреннія двери въ балаганѣ удалось какимъ-то чудомъ выломать, а съ ними выбрать и нѣсколько досокъ изъ стѣны (что сдѣлалось только тогда, когда балаганъ уже горѣлъ), то отъ сильнаго напора людей, инстинктивно искавшихъ спасенія, впереди стоящіе у стѣны и дверей упали внизъ, а съ ними и я также; но тамъ была еще другая наружная стѣна съ дверями, составлявшая нѣчто въ родѣ галлереи. Несчастный и внезапный случай пожара до такой степени навелъ паническій страхъ на народъ, что, не взирая на тысячи людей, находившихся въ это время на площади, ни единъ не рѣшился броситься

ломать стѣны балагана. Одни говорили, что въ этомъ была виновата полиція, не допускавшая никого къ балагану до прибытія пожарной команды; другіе объясняли это просто тѣмъ, что народъ въ то время совсѣмъ растерялся отъ испуга. Ежели бы при самомъ началѣ нашлось нѣсколько отважныхъ людей, которые рѣшились бы броситься къ балагану и разобрать въ стѣнѣ нѣсколько досокъ, чтобы тѣмъ самымъ освободить тѣхъ, до которыхъ не достигало еще пламя, но которые прижались къ стѣнамъ и задыхались отъ дыму, то вѣроятно не было бы столько несчастныхъ жертвъ, сколько оказалось ихъ впослѣдствіи. Въ то время всѣ единогласно обвиняли полицію въ излишнемъ ея усердіи и вмѣшательствѣ, говоря, что она, упорно отстаивая свои права, оцѣпила балаганъ и не допускала къ нему никого до прибытія пожарныхъ и воинскихъ командъ. Но къ сожалѣнію пожарныя команды явились на мѣсто, когда половина балагана уже сгорѣла; поэтому на долю ихъ досталось не тушить огонь, а вытаскивать изъ огня несчастныя жертвы пламени. Изъ подъ груды мертвыхъ тѣлъ вытащили меня на тротуаръ, такъ какъ во мнѣ кто-то замѣтилъ нѣкоторые признаки жизни. Но кто именно былъ моимъ спасителемъ, никогда я впослѣдствіи не могъ узнать.

Я очнулся въ самомъ растерзанномъ видѣ: тесакъ и киверъ какимъ-то чудомъ находились при мнѣ, но сломанные. Это привело меня въ ужасъ. Я вспомнилъ, что со мною въ балаганѣ былъ князь Путятинъ и сталъ оглядываться во всѣ стороны, отыскивать его глазами, сталъ спрашивать окружающихъ: не видѣлъ ли кто моего дяди? Не только никто не далъ мнѣ никакого отвѣта, но стали смотрѣть на меня недовѣрчиво и съ какимъ-то удивленіемъ. Каждый смотрѣлъ на меня съ особеннымъ сожалѣніемъ какъ на помѣшаннаго. Всѣ съ участіемъ стали уговаривать меня, чтобъ я ѣхалъ поскорѣе домой; а добрый офицеръ, *убѣждая меня къ этому тѣмъ*, что дядя давно уже дома и ожидаетъ меня, вызвался даже быть моимъ провожатымъ. На такое предложеніе я не могъ не согласиться, и мы поѣхали вмѣстѣ. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда въ квартирѣ заявили, что князь Путятинъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ со мною, домой болѣе не возвращался. Тутъ только сопровождавшій меня офицеръ понялъ, что вопросъ мой о дядѣ не былъ сдѣланъ въ припадкѣ помѣшательства, а что дѣйствительно князь Путятинъ присутствовалъ со мною въ сгорѣвшемъ балаганѣ и неизвѣстно куда дѣвался. Тогда онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ снова на площадь, обѣщая свое содѣйствіе къ розысканію князя.

Лишь только вступили мы на площадь, гдѣ происходилъ страшный хаосъ, и приблизились къ мѣсту пожарища, глазамъ моимъ представился весь адъ этого чудовищнаго зрѣлища.

Балаганъ весь обрушился, и вся масса обвалившихся бревенъ, досокъ, растасканныхъ въ разныя стороны пожарною командою, съ трескомъ догорала; кое-гдѣ еще торчали на мѣстахъ столбы, поддерживавшіе основаніе и крышу балагана; нѣкоторые изъ нихъ уже догорали, тихо пылая какъ свѣчки; другіе, залитые водою, совершенно обуглившіеся, стояли какъ черныя тѣни.

Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ находились уже на мѣстѣ пожара и лично распоряжались, отдавая приказанія окружавшей ихъ свитѣ. Множество солдатъ различныхъ полковъ присутствовали здѣсь: одни помогали пожарнымъ командамъ въ ихъ работѣ; другіе, въ аммуниціи и съ ружьями, оцѣпляли все пространство трагическаго мѣста, не допуская никого изъ постороннихъ проходить сквозь цѣпь.

Насколько было возможно, я приблизился вмѣстѣ съ офицеромъ къ цѣпи солдатъ, отдѣляющей живой народъ отъ чудовищнаго кладбища, и къ ужасу своему увидѣлъ, какъ солдаты пожарной команды баграми и крючьями вытаскивали изъ подъ горѣвшихъ бревенъ людей, погибшихъ въ огнѣ. Такіе трупы складывались на легковыя извощичьи сани, которыя и перевозили ихъ въ зданіе Адмиралтейства, гдѣ въ торопяхъ и кое-какъ валили ихъ въ кучу. Кто обнаруживалъ признаки жизни (такихъ было немного), тотчасъ отправляемъ былъ въ ближайшую больницу.

Стоя такъ близко отъ этой раздирающей душу картины и видя предъ собою страшный способъ вытаскиванія и перетаскиванія этихъ обезображенныхъ труповъ, въ каждой изъ такихъ обуглившихся черныхъ фигуръ я старался распознать князя Путятина и порывался броситься впередъ, но меня удерживали. Всѣ мои поиски были безполезны. Между тѣмъ организмъ мой до того былъ потрясенъ, а нервы до того ослабѣли, что я разрыдался и пришелъ въ совершенное изнеможеніе. Тогда офицеръ отвелъ меня на тротуаръ, посадилъ и далъ выпить воды.

Во мнѣ все-таки было желаніе разыскать князя. Но гдѣ его искать? Идти въ Адмиралтейство и искать въ трупахъ сложенныхъ туда я не смѣлъ, остерегаясь попасться въ такомъ разстерзанномъ видѣ на глаза Государю или великому князю. Тогда пришла мнѣ мысль еще разъ съѣздить на квартиру и узнать, не былъ ли князь тамъ. Я разсуждалъ такъ: князь Путятинъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы не пробиться въ толпѣ и не выскочить изъ балагана. Если мнѣ удалось спастись, то онъ и подавно не долженъ сгорѣть. Съ другой стороны, меня смущало то, что его нигдѣ не было видно. Если бы онъ былъ живъ, вѣроятно онъ разыскивалъ бы меня повсюду.

Добрый офицеръ, слушая такіе мои доводы и видя меня въ большомъ горѣ, вѣроятно сообразилъ, что князя нѣтъ въ живыхъ, и сталъ уговаривать не ѣздить на квартиру, а явиться прямо въ Корпусъ, и успокоивалъ тѣмъ, что князь живъ и вѣроятно, если не сегодня, то завтра явится къ намъ въ Корпусъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ послушаться добраго совѣта, и вотъ, съ поломаннымъ тесакомъ и съ пробитымъ киверомъ, долженъ былъ я явиться къ своему ротному командиру, ожидая со страхомъ неминуемаго взысканія за свое появленіе въ такомъ безобразномъ видѣ. Однако, онъ довольно спокойно выслушалъ весь разсказъ о постигшемъ меня несчастьи, и судя потому, что онъ часто пожималъ плечами, вѣроятно на лицѣ моемъ былъ явный отпечатокъ душевныхъ страда-

ній, почему онъ и ограничился только тѣмъ, что приказалъ идти въ роту и лечь въ постель.

Между тѣмъ великій князь Михаилъ Павловичъ, съ мѣста самаго пожара, разослалъ своихъ адъютантовъ по всѣмъ кадетскимъ корпусамъ узнать, не было ли кого изъ кадетъ въ балаганѣ Лемана. А такъ какъ моему начальству было уже извѣстно, что я былъ тамъ и только что явился съ пожара, то чрезъ посланнаго адъютанта было доложено объ этомъ его высочеству. Оказалось, что изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній одинъ я попалъ въ балаганъ Лемана.

На другой день утромъ, великій князь пріѣхалъ въ Корпусъ и какъ только вошелъ въ нашу роту, потребовалъ меня. Со страхомъ подошелъ я къ нему. Онъ началъ такъ: «Разскажи, какъ и съ чего начался пожаръ; а главное объясни, какимъ чудомъ выскочилъ ты оттуда». Стоя передъ его высочествомъ, какъ говорится въ струнку, все что могъ сообразить и припомнить, я разсказалъ. Но все таки я чувствовалъ, что мысли и слова мои путались. Великій внязь все время слушалъ со вниманіемъ и нѣсколько разъ ободрялъ меня. Когда разсказъ мой кончился, онъ потрепалъ меня по плечу и произнесъ слѣдующее: «Не унывай преждевременно: можетъ быть, дядя твой найдется». А за тѣмъ, обратясь къ окружающимъ, сказалъ: «Вчерашній пожаръ надѣлалъ много бѣдъ. Нужно только удивляться, какъ онъ выскочилъ оттуда».

Вскорѣ по отъѣздѣ великаго князя, пріѣхалъ къ намъ Государь и лишь только вступилъ въ спальныя комнаты нашей роты, гдѣ каждый изъ кадетъ стоялъ у своей кровати, потребовалъ меня къ себѣ. Трудно объяснить, какое чувство испытывалъ я въ эти минуты. Какъ будто всего меня проникло лихорадочное состояніе, грудь сжималась, и по всему тѣлу пробѣгала непонятная дрожь; но я старался не поддаваться ни страху, ни внутреннему изнеможенію и бодро подошелъ къ Государю. Однако, какъ видно, Государь замѣтилъ ненормальное мое состояніе и, милостиво положивъ свою руку на мое плечо, изволилъ сдѣлать слѣдующій вопросъ: «Ты былъ вчера въ балаганѣ Лемана? Какъ ты туда попалъ?»—Точно такъ, Ваше Императорское Величество, былъ, вмѣстѣ съ дядей: но не помню, какъ я оттуда выскочилъ и куда дѣвался дядя, также не знаю».

Послѣ этого, Государь изволилъ сказать: «припомни и разскажи мнѣ все, какъ было». Я старался не пропустить ни малѣйшей подробности въ своемъ разсказѣ; но какъ видно, онъ не былъ послѣдователенъ и достаточно связенъ, потому что Государь не разъ прерывалъ своими вопросами, наводя тѣмъ на послѣдовательность. Когда же разсказъ приходилъ къ концу и когда пришлось говорить о томъ, какъ я упалъ и какъ потомъ очутился подъ тяжестію груды несчастныхъ, задохшихся отъ дыму, Государь изволилъ сказать слѣдующее: «Большое чудо, что ты не погибъ. Ты долженъ усердно молиться Богу». Потомъ изволилъ спросить: «Гдѣ сидѣлъ твой дядя?»—«Рядомъ со мною, Ваше Императорское Величество». «Развѣ ты не видѣлъ, куда онъ бросился въ то время, когда ты бросился къ дверямъ?»—«Никакъ нѣтъ. Но мнѣ все казалось, что онъ былъ около

меня». «У князя Путятина есть дѣти?» спросилъ Государь.—Есть В. И. Величество; но не могу доложить, сколько, Государь, потрепавъ меня по щекѣ, изволилъ произнести слѣдующее: «Молись усердно Богу и помни, что Онъ далъ тебѣ новую жизнь. Не сокрушайся о дядѣ; можетъ быть, онъ еще живъ. Я прикажу разыскать его». Съ этими словами Государь еще разъ потрепалъ меня по щекѣ; но на этотъ разъ я успѣлъ уловить минуту, чтобы поцаловать руку его. Забывъ горе, я чувствовалъ счастіе и восторгъ этой минуты. Она на вѣки запечатлѣлась въ моей памяти.

Однако несчастнаго князя Путятина нигдѣ не могли разыскать. Онъ сгорѣлъ безслѣдно. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что въ грудѣ труповъ будтобы нашли руку, на пальцахъ которой оказалось два кольца, принадлежавшія ему. Хотя дѣйствительно князь Путятинъ носилъ на правой рукѣ, кажется на второмъ пальцѣ отъ мизинца, обручальное кольцо и на большомъ указательномъ какой-то перстень; но трудно предположить, чтобы эти кольца были именно его, и нельзя допустить, чтобы могла быть отыскана одна только уцѣлѣвшая и отдѣлившаяся отъ туловища рука.

Спустя нѣкоторое время, не припомню кто именно изъ нашихъ корпусныхъ офицеровъ вручилъ мнѣ записку, въ которой говорилось, что Государь Императоръ соизволилъ пожаловать вдовѣ князя Путятина, сгорѣвшаго въ балаганѣ Лемана, единовременное денежное пособіе и сверхъ того принять двухъ малолѣтнихъ сиротъ дочерей его въ Смольный монастырь на казенный счетъ съ назначеніемъ каждой капитала съ вкладомъ въ кредитное установленіе впредъ до выхода ихъ изъ института. Записку эту я тогда же препроводилъ къ отцу моему, описавъ ему и всѣ подробности катастрофы, пережитой мною. Отецъ, отвѣчая на мое письмо, между прочимъ писалъ слѣдующее: «Радуюсь, что Государь Императоръ изволилъ узнать чрезъ тебя объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ семействѣ. Судьба неисповѣдима: видно, было суждено князю Путятину погибнуть такою ужасною смертію. Жаль покойнаго,—онъ былъ добрый человѣкъ. Но нѣтъ худа безъ добра: ежели бы онъ оставался живъ, семейство его по прежнему терпѣло бы крайнюю нужду, и дѣти не имѣли бы никакого образованія; а теперь, по милости Государя, они во всемъ обезпечены».

Прошло съ тѣхъ поръ около 30 лѣтъ; кажется, въ 1861 году я былъ по дѣламъ службы въ Ржевѣ. По утру доложили мнѣ, что пріѣхала княжна Путятина и желаетъ меня видѣть. Зная, что въ Ржевскомъ уѣздѣ фамиліи Путятиныхъ проживаетъ много, я былъ далекъ отъ мысли встрѣтиться лицемъ къ лицу съ дочерью того князя, который въ глазахъ моихъ такъ трагически погибъ. Я приказалъ просить. Дверь отворилась, и вошла молодая, стройная женщина съ прекрасными черными глазами, одѣтая просто, но со вкусомъ и съ манерами самыми изящными; предлагая ей стулъ, я спросилъ: «какому случаю обязанъ я видѣть васъ у себя?» Княжна не сѣла, а прямо и непринужденно подойдя ко мнѣ, взяла меня за руку и, крѣпко пожавъ ее, самымъ взволнованнымъ голосомъ произнесла слѣдующее: «Я дочь того самаго князя Лаврентія Алексѣевича Путятина, который вмѣстѣ съ вами былъ въ балаганѣ Лемана и ко-

торый погибъ тамъ. Давно я искала случая, чтобы видѣть васъ и благодарить за свое существованіе. По милости Государя, я воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и по выходѣ оттуда получила денежныя средства; но, не имѣя собственнаго угла, рѣшилась дѣлиться своими познаніями съ другими и идти въ гувернантки. Благодаря Бога, я устроилась въ добромъ семействѣ, въ которомъ меня полюбили и гдѣ я обезпечена и довольна своимъ положеніемъ. Я хорошо понимаю, что ежели бы не случайное ваше спасеніе, о которомъ тогда же изволилъ узнать Государь, о погибели моего отца никто никогда бы не узналъ, и мы оставались бы безъ него въ полной нищетѣ. Вотъ что заставило меня искать случая видѣть васъ. Конечно, всѣ мои изліянія въ благодарности къ вамъ будутъ слишкомъ слабы въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ переполнены мои чувства; но могу завѣрить въ одномъ, что я никогда не перестаю молиться за васъ».

Какъ ни старался я подавить въ себѣ внутреннюю тревогу, но не могъ. Въ одинъ мигъ воскресло во мнѣ давно прошедшее, и адская картина страшнаго пожара со всѣми ея ужасами предстала предо мною. Когда тяжелыя воспоминанія немного улеглись, и когда увидѣлъ я, что княжна собиралась оставлять меня, я взялъ ее за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ: «Прошу васъ, княжна, не думать, чтобы я когда нибудь могъ быть участникомъ въ устройствѣ судьбы вашей. Положеніе и счастье ваше устроены покойнымъ Государемъ Императоромъ. А я, напротивъ, считаю себя виновникомъ въ погибели вашего отца: безъ меня, можетъ быть, онъ вовсе не былъ бы въ балаганѣ и не подвергся тяжелой участи. Но ежели Всевышнему угодно было послать ему такую трагическую смерть, то за всѣ щедроты и милости оказанныя вашей семьѣ, вы обязаны молиться только за того, кто призрѣлъ васъ, кто никогда не останавливался протягивать руку помощи несчастнымъ». Мы разстались съ княжной, и съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣчался съ ней. **Дмитрій Чаплинъ.**

Гомбургъ, $^{6}/_{18}$ Сентября 1874.